ВОСПОМИНАНІЕ О Н. П. СИНЕЛЬНИКОВѢ.

НЕДАВНО скончавшійся сенаторъ, генералъ-отъ-инфантеріи, Николай Петровичъ Синельниковъ былъ, безспорно, замѣчательной личностью во многихъ отношеніяхъ. Имя его пользовалось, въ свое время, большою популярностью во всей Россіи, такъ какъ онъ послѣдовательно губернаторствовалъ въ Житомірѣ, Воронежѣ, Москвѣ, Владимірѣ и, наконецъ, въ Восточной Сибири и всюду оставилъ по себѣ неизгладимую память. Неутомимый, энергичный, неподкупный, справедливый и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезвычайно вспыльчивый и рѣзкій, Синельниковъ являлся грознымъ бичомъ взяточничества и всякихъ непорядковъ; онъ входилъ во всѣ мелочи и, неутомимый самъ, требовалъ такой же неутомимости и отъ своихъ подчиненныхъ; при немъ апатія и распущенность быстро смѣнялись лихорадочною дѣятельностью. Безъ сомнѣнія, кто нибудь изъ близко знавшихъ его людей займется его обстоятельной біографіей; съ этой цѣлью я рѣшаюсь сообщить здѣсь нѣсколько фактовъ, касающихся административныхъ распоряженій Синельникова, которыхъ я былъ очевидцемъ. Какъ ни ничтожны эти факты, все-таки они могутъ, по моему мнѣнію, пригодиться для его характеристики.

Когда Синельниковъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Воронежъ, я находился, въ качествѣ подрядчика, при постройкѣ новыхъ тюремъ въ двухъ уѣздныхъ городахъ Воронежской губерніи. Вскорѣ распространились слухи, что новый губернаторъ очень строгъ, во все вникаетъ и всѣхъ изрядно пробираетъ, что онъ встаетъ въ четыре часа утра и въ сопровожденіи полицеймейстера, или частнаго пристава, обходитъ городъ и, какъ только замѣтитъ какую нибудь неисправность, тотчасъ на мѣстѣ отдаетъ приказаніе

объ ея устраненіи. Разсказывали, что, увидѣвъ позади лавокъ груды сложенныхъ бочекъ съ дегтемъ, онъ велѣлъ убрать ихъ въ 24 часа и, когда это не было исполнено, распорядился черезъ полицію собрать ломовыхъ извозчиковъ и при себѣ отправить бочки за городъ, гдѣ устроилъ постоянный ихъ складъ, разрѣшивъ держать при лавкахъ только такое количество дегтя, какое расходовалось втеченіе сутокъ. Городской голова, Веретенниковъ, вздумалъ было ходатайствовать объ отмѣнѣ такого распоряженія, ссылаясь на его стѣснительность для торговли, но губернаторъ обругалъ голову и выгналъ его вонъ. Пріѣзжіе разсказывали, что внѣшность Воронежа въ короткое время сдѣлалось неузнаваемой, всюду явилась чистота, порядокъ, мостовыя улучшились и т. п.

Однажды, когда я возвратился въ пять часовъ утра въ Новохоперскъ изъ Саратова, куда ѣздилъ по своимъ дѣламъ, меня встрѣтилъ десятникъ и объявилъ, что сейчасъ пріѣхалъ въ городъ губернаторъ, останавливался у нашей постройки, обошелъ ее всю, осматривалъ лежавшій кругомъ матеріалъ, раскричался и «надавалъ ему въ зубы» за дурно сложенную перемычку надъ однимъ окномъ, приказалъ сломать ее и сдѣлать черезъ три часа, когда онъ пріѣдетъ опять, новую, а хозяину передать, «что ему достанется». Дѣйствительно, перемычка эта была сдѣлана не по формѣ (въ затирку, а не въ подрѣзъ шва) противъ другихъ и бросалась въ глаза; но по контракту, заключенному моимъ отцомъ, подрядчикъ обязанъ былъ только выставлять потребное, согласно смѣтѣ, число рабочихъ и матеріаловъ, а вся техническая часть находилась подъ наблюденіемъ и отвѣтственностью особой коммиссіи, которая лишь изрѣдка, разъ въ мѣсяцъ, наѣзжала свидѣтельствовать работы и матеріалы и выдавала мнѣ квитанціи на полученіе денегъ въ Воронежѣ, изъ строительной коммиссіи. Нечего дѣлать, перемычку «подрумянили». Въ это же время въ Новохоперскѣ у меня оканчивалась исправленіемъ старая деревянная тюрьма, изъ которой арестанты часто бѣгали, вынимая рѣшетки изъ сгнившихъ оконъ. Предполагая, что губернаторъ, можетъ быть, захочетъ осмотрѣть и эту постройку, я отправился туда. Приближаясь къ тюрьмѣ, я увидѣлъ у воротъ нѣсколько экипажей и узналъ, что губернаторъ со свитой ходитъ по двору и осматриваетъ мою работу. Мнѣ шелъ тогда двадцать второй годъ и, хотя у меня работа производилась хорошо, я, всетаки, трусилъ. Я остановился у воротъ, не рѣшаясь идти дальше. Предводитель дворянства, замѣтивъ меня, что-то сказалъ губернатору; тотъ оглянулся и далъ мнѣ знакъ пальцемъ подойти.

— Сколько укралъ ты на этой работѣ?—спросилъ онъ.

— Я ничего не укралъ,—отвѣчалъ я въ волненіи:—а осталось мнѣ противъ смѣты 800 рублей.

— А сколько ты взялъ всего?

— 1.860 рублей.

— Это грабежъ; но спасибо, сдѣлано хорошо, и, кажется, арестанты перестанутъ бѣгать.

Предводитель пофранцузски отозвался о добросовѣстномъ исполненіи мною всѣхъ вообще работъ.

— Я видѣлъ его розмазню въ новомъ острогѣ, — строго замѣтилъ губернаторъ:—и хорошо, что мнѣ подъ руку попался его десятникъ, а не самъ онъ.

Эти слова обидѣли меня до того, что на глазахъ невольно выступили слезы, и я рѣшился сказать, что начальникъ губерніи можетъ все дѣлать, не разобравъ, кто правъ, кто виноватъ, что недѣлю тому назадъ пріѣзжала цѣлая коммиссія изъ Воронежа, осматривала работы, видѣла перемычку, обратившую на себя его вниманіе, и не сдѣлала мнѣ никакого замѣчанія, и что, наконецъ, какъ здѣсь, такъ и тамъ, я не отвѣчаю за работы, и эта обязанность всецѣло лежитъ на техникѣ.

— Ну, посмотримъ,—сказалъ губернаторъ:—я пришлю къ тебѣ свою коммиссію подробно изслѣдовать работы, и тогда держись!

Предводитель, замѣтивъ, что я хочу опять возражать, перебилъ меня и началъ расхваливать третью мою работу—постройку плоскодонныхъ паромовъ для перевозки черезъ Хоперъ, въ полую воду, почты и пассажировъ, и предложилъ осмотрѣть и ее. Всѣ поѣхали туда. Губернаторъ, увидѣвъ паромы, пришелъ въ восхищеніе и спросилъ, по чьимъ планамъ я строю паромы. Я отвѣчалъ, что по плану простаго плотника, который работаетъ тутъ же. «А что же наши инженеры?»—замѣтилъ онъ.

Послѣ этого, Синельниковъ сдѣлался мягокъ и веселъ. Онъ поѣхалъ дальше осматривать другія учрежденія, и потомъ служащіе въ нихъ благодарили меня за то, что я угодилъ губернатору, и онъ никого не распекъ.

Предводитель пригласилъ меня обѣдать; послѣ обѣда, губернаторъ, подойдя ко мнѣ, ласково сказалъ, чтобы я лично обращался къ нему въ случаѣ какой либо надобности.

— Я твой защитникъ,—прибавилъ онъ:—и за это ты сдѣлаешь мнѣ такіе же паромы въ Воронежѣ.

Черезъ нѣсколько дней пріѣхала назначенная имъ коммиссія, подробно осмотрѣла всѣ мои работы, нашла ихъ въ порядкѣ, о чемъ и донесла ему.

Мѣсяца два спустя послѣ этого, я пріѣхалъ въ Воронежъ за полученіемъ въ строительной коммиссіи денегъ по квитанціямъ. Всякій разъ, когда мнѣ приходилось пріѣзжать по этому дѣлу, я долженъ былъ жить, вслѣдствіе канцелярской волокиты, дня два-три, а иногда и больше. Настоящій пріѣздъ мой пришелся подъ какой-то праздникъ, и я убѣдительно просилъ присутствіе не тянуть дѣла и отпустить меня въ тотъ же день. Мнѣ отвѣчали, что все зависитъ

отъ губернатора: если подпишетъ журналъ безъ задержки, то сейчасъ же и выдадутъ мнѣ деньги. Около четырехъ часовъ, передъ закрытіемъ присутствія, являюсь справиться. Чиновникъ говоритъ мнѣ, что губернаторъ журнала не пропустилъ. Волей-неволей приходилось оставаться до слѣдующаго присутственнаго дня. Отъ нечего дѣлать, въ праздникъ, вечеромъ, отправился я въ театръ. Вижу, что въ первомъ ряду креселъ сидитъ губернаторъ. Въ антрактѣ онъ всталъ, обернулся спиной къ оркестру и началъ лорнировать сперва ложи, а потомъ партеръ. Я сидѣлъ въ седьмомъ ряду. Вдругъ взглядъ его остановился на мнѣ. Я привсталъ, поклонился и сѣлъ опять. Онъ упорно продолжаетъ глядѣть на меня. «Ну, думаю, лучше уходить»,—и направился въ фойе; однако, не успѣлъ еще я дойти до выхода, какъ впереди меня полиція засуетилась. Оборачиваюсь и сталкиваюсь лицомъ къ лицу съ губернаторомъ.

— Вы какъ здѣсь?—спрашиваетъ онъ.—А работы на кого оставили? Безъ хозяина тамъ плохо.

— Ваше превосходительство, я пріѣхалъ за деньгами.

— Знаю. Вчера я твой журналъ подписалъ первымъ.

— А мнѣ сказали, что ваше превосходительство его не пропустили.

— Кто тебѣ сказалъ?

Я замялся и только что хотѣлъ отвѣчать, какъ кто-то изъ знати подошелъ къ губернатору, заговорилъ съ нимъ, и я вынужденъ былъ отойти.

На другой день, въ семь часовъ утра, является ко мнѣ посланный изъ строительной коммиссіи и приглашаетъ пожаловать къ предсѣдательствовавшему въ ней полковнику. Прихожу.

— Вы что же это вздумали жаловаться на насъ?—говоритъ онъ съ неудовольствіемъ.—Въ пять часовъ утра меня разбудилъ жандармъ съ запиской отъ губернатора. Вотъ прочтите ее.

Въ запискѣ спрашивалось у полковника, почему до сихъ поръ не отпущенъ подрядчикъ Слетовъ, журналъ о выдачѣ денегъ которому еще третьяго дня подписанъ губернаторомъ. При этомъ, предлагалось немедленно расплатиться со мной и впредь не допускать ничего подобнаго.

Я разсказалъ полковнику все, какъ было. Черезъ часъ я уже получилъ деньги, а чиновникъ, задержавшій журналъ, былъ уволенъ отъ службы.

Въ одинъ изъ слѣдующихъ моихъ пріѣздовъ въ Воронежъ, едва успѣлъ я войти въ номеръ гостинницы и началъ снимать верхнее платье, какъ корридорный потребовалъ у меня видъ. Я очень удивился, потому что до этого ничего подобнаго не было.

— Это что за новость?—говорю я:—ты вѣдь меня знаешь. На кой шутъ тебѣ нуженъ мой видъ?

— Такъ новый губернаторъ распорядился, — отвѣчалъ корридорный.

— Ну, ладно, достану; дай мнѣ прежде умыться и чаю.

Когда корридорный принесъ мнѣ чай, то снова присталъ, требуя паспортъ и повторяя: «иначе никакъ нельзя». Я отдалъ паспортъ и велѣлъ ему сказать въ полицейской части, чтобы мнѣ вернули его тотчасъ, такъ какъ я сегодня же уѣзжаю обратно. Черезъ нѣсколько минутъ корридорный вернулся и потребовалъ двадцать копеекъ за прописку. Я усомнился и спрашиваю: такъ ли это? «Подите сами,—отвѣчаетъ онъ:—иначе намъ не отдадутъ сегодня вашего паспорта».

Я пошелъ въ часть. Дежурный подтверждаетъ, что нужно уплатить двадцать копеекъ, и говоритъ, что могу получить мой видъ лишь тогда, когда придетъ частный приставъ. Обдѣлавъ очень скоро свои дѣла, я вернулся въ гостинницу и послалъ корридорнаго за паспортомъ. Онъ вернулся съ отвѣтомъ, что частнаго пристава нѣтъ, и неизвѣстно, когда будетъ. Это меня раздосадовало. Я поѣхалъ къ полицеймейстеру, чтобы удостовѣриться, дѣйствительно ли заведены такіе стѣснительные порядки. Дорогой спрашиваю гордоваго, гдѣ мнѣ найти сейчасъ полицеймейстера. «Только что изволили проѣхать къ губернатору»,—отвѣчаетъ онъ. Ѣду туда. Войдя въ пріемную, прошу чиновника вызвать на минуту полицеймейстера. Только было поднялся онъ со стула, какъ входитъ полицеймейстеръ. Не успѣлъ я сказать ему нѣсколько словъ, вдругъ отворяется дверь, и показывается самъ губернаторъ.

— Вы за чѣмъ?—спрашиваетъ онъ, увидѣвъ меня.

— Къ господину полицеймейстеру по дѣлу,—отвѣчаю я.

— У полицеймейстера дѣловыхъ секретовъ отъ губернатора не можетъ быть. Говорите, какое дѣло.

Я сказалъ.

— Это что такое, полковникъ? — обратился губернаторъ къ полицеймейстеру.—Жандармъ, сейчасъ же позови ко мнѣ частнаго пристава. А вы, — прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ, — посидите здѣсь.

Черезъ полчаса явился частный приставъ.

— Сію минуту отпустите этого молодаго человѣка, — грозно крикнулъ Синельниковъ,—сами на недѣлю на гауптвахту, а дежурнаго по части прогнать.

Разскажу еще одинъ случай. Какъ-то разъ, выѣзжая изъ Воронежа на тройкѣ, спустился я къ рѣкѣ, у того мѣста, гдѣ прежде былъ мостъ, и вижу здѣсь губернатора, губернскаго архитектора и полицеймейстера. Замѣтивъ меня, губернаторъ крикнулъ:

— А! Поди-ка сюда.

Я подошелъ; смотрю, у него въ рукахъ смѣта, а у архитектора планъ новаго, предполагаемаго моста.

— Я у тебя видѣлъ прекрасный, толстый дубовый лѣсъ. Гдѣ ты покупалъ, какой мѣры и почемъ?—спрашиваетъ Синельниковъ.

Я сказалъ цѣну деревъ разной мѣры, а онъ смотритъ въ смѣту и качаетъ головой.

— А что̀ бы ты взялъ за доставку лѣса такой-то мѣры, длины и толщины?

Не помню ужъ, какую я сказалъ цѣну, только онъ недовѣрчиво посмотрѣлъ на меня и замѣтилъ:

— Смотри, не ошибись; убытку будетъ тебѣ много.

— Сейчасъ трудно будетъ доставить,—отвѣчалъ я:—а зимнимъ путемъ, или весной, по окончаніи полевыхъ работъ, подешевле можно нанять воловъ и привезть. Да и здѣсь, изъ ближайшихъ лѣсовъ, можно недорого купить.

— Ну, хорошо,—говоритъ онъ:—я сверхъ твоей цѣны, для свай, дамъ тебѣ по десяти рублей на штуку дороже, только надѣюсь, что дерева будутъ хорошія.

При этомъ онъ показалъ мнѣ цѣну, выставленную въ смѣтѣ, чуть ли не въ четверо дороже назначенной мною, и сказалъ:

— Когда пріѣдешь въ Новохоперскъ, справься хорошенько и напиши мнѣ рѣшительную цѣну съ доставкою по первому зимнему пути,—я твой покупатель.

Возвратившись въ Новохоперскъ, я поспѣшилъ справиться о цѣнахъ на лѣсной пристани. Оказалось, что я назначилъ цѣны правильно, о чемъ и написалъ губернатору. Кончилось тѣмъ, что онъ назначилъ торги на постройку моста, и хотя было сбавлено двадцать пять процентовъ противъ смѣты, онъ, всетаки, не утвердилъ торговъ, а построилъ подъ своимъ наблюденіемъ, хозяйственнымъ способомъ, прекрасный мостъ, обошедшійся, какъ тогда говорили, чуть ли не на сорокъ процентовъ дешевле. При первой же встрѣчѣ со мной, Синельниковъ поблагодарилъ меня за сообщеніе, извинился, что обманулъ, не купилъ лѣса черезъ меня, и прибавилъ:

— Ты и такъ услужилъ мнѣ, а тебя мнѣ не хотѣлось отвлекать отъ твоего дѣла.

Прошло много лѣтъ послѣ того, какъ Синельниковъ оставилъ Воронежъ. Однажды я садился въ Козловѣ на желѣзную дорогу, чтобы доѣхать до Грязей. Вдругъ на платформѣ станціи вижу, что онъ садится въ первый классъ. Мнѣ захотѣлось поклониться ему и напомнить о себѣ. Я долго колебался, но, наконецъ, вошелъ къ нему въ вагонъ и, поклонившись, говорю:

— Здравствуйте, ваше превосходительство.

— Вы почему меня знаете?—спросилъ онъ.

Я напомнилъ, что пользовался его расположеніемъ въ Воронежѣ, и назвалъ свою фамилію.

— Ахъ, да, вспоминаю. Садитесь-ка, разскажите, что по̀дѣлываете, бываете ли въ Воронежѣ, гдѣ живете?

Я сталъ разсказывать и прибавилъ, что воронежскіе его очень помнятъ.

— Небось, бранятъ! Нѣтъ, батинька, теперь такіе губернаторы, какъ я, не годятся.

— За что же васъ бранить,—отвѣтилъ я.—Вы были строги и требовательны, но всегда справедливы. Васъ такъ всѣ уважаютъ, что даже польская банда во время возмущенія не тронула.

— А вы объ этомъ знаете?—съ живостью замѣтилъ онъ.—Какія минуты въ то время я пережилъ! Знаете, если бы эта банда догадалась, что со мной были большія казенныя деньги! Я увѣренъ, что и тогда она не тронула бы меня, но деньги отобрала бы. Этого-то именно я и боялся. Ну, скажите, что̀ бы я тогда дѣлалъ [1])!

Къ сожалѣнію, въ эту минуту мы подъѣхали къ Грязямъ, и мнѣ надо было выходить. Синельниковъ подалъ мнѣ руку и ласково простился. Послѣ этого я уже болѣе съ нимъ не встрѣчался.

П. Слетовъ.

---

[1]) Въ 1863 году Синельниковъ, исполнявшій обязанности генералъ-интенданта въ Польшѣ, ѣхалъ изъ Варшавы въ Брестъ-Литовскъ, имѣя при себѣ 250.000 казенныхъ денегъ. Подъѣзжая къ Бресту, онъ неожиданно былъ окруженъ въ лѣсу шайкой повстанцевъ, подъ начальствомъ Шимановскаго. Когда послѣдній узналъ фамилію проѣзжаго, то сказалъ ему: «ваше имя произносится въ нашемъ царствѣ съ величайшемъ уваженіемъ, какъ имя честнаго русскаго генерала. Мы просимъ, ваше превосходительство, доложить государю императору, что сражающіеся за отчизну умѣютъ цѣвить его истинно вѣрныхъ слугъ». Синельникову данъ былъ отъ банды конвой, который и сопровождалъ его почти до самаго Бреста.